

23 НОЯ 1974

Вечерний Свердловск  
Свердловск

# ЖИЗЕЛЬ — Н. ПАВЛОВА

Не скрою, что я шел на этот спектакль с надеждой и страхом, с радостью и с множеством тревог и опасений. Я видел Надежду Павлову во время ее триумфальных выступлений на Международном Московском конкурсе артистов балета, наблюдал ее занятия в классе замечательного педагога Л. П. Сахаровой, аплодировал ее очаровательной, лукавой и детски простодушной Сванильде в балете «Конпелья». Но Жизель... Сложнейшая классическая партия, входившая в репертуар великих, прославленных балерин, имеющая целую историю самых различных трактовок и интерпретаций, требующая безупречного танцевального мастерства, чувства стиля, тончайшей артистичности. Галина Уланова, Алла Шелест, Ирина Колпакова, Наталья Дудинская, Екатерина Максимова, Нина Тимофеева, Наталья Бессмертнова, Иветт Шовире, Ллан Дейде, Алисия Алонсо — все эти и другие выдающиеся балерины предлагали каждая свое неповторимое прочтение, свою концепцию знаменитой партии, порой очень значительную, глубокою, мудрую.

Было бы неправдой сказать, что такая концепция есть и у Н. Павловой. Ее еще нет, она пока не сложилась, не созрела, не утвердилась. Юной балериной, очевидно, нужно еще много постигнуть, понять в жизни и в

искусстве, нужно «выстрадать» эту роль, чтобы дать право говорить о своем прочтении партии, которая таит неисчерпаемые человеческие и философские глубины. Своей «концепции» партии Жизели у Павловой еще нет. Но есть другое — покоряющая естественность жизни в предлагаемых обстоятельствах роли, неоспоримая искренность, непосредственность каждого душевного и танцевального движения.

Павлова танцует так же естественно, как естественно пробивается сквозь снежный покров первый весенний подснежник или зеленый росток, так же естественно, как текут первые весенние ручьи и набухают на голых сучьях деревьев первые весенние почки. В каждой детали своего сценического поведения, в каждом штрихе своего облика и костюма Павлова следует своей индивидуальности, тому, что Жизель — девушка-подросток, худенькая, смуглая, обостренно нервная, почти болезненно чуткая, ранимая, беззащитная, как хрупкий стебелек, который ничего не стоит сломать, растоптать, смять. С ребячливой доверчивостью она склоняет голову на плечо Альберту, прячет лицо у него на груди, ничуть не смущаясь тем, что это видят подруги, деревенские юноши, что за ней следят чужие любопытные глаза. Она до конца отдается своему пер-

вому чувству и не ведает в своей детской чистоте, что это чувство нужно скрывать, прятать, защищать. Она еще не знает, что «можно» и чего «нельзя», для нее не существует никаких условностей. И даже неосознанное кокетство ее (а оно есть) — это не кокетство девушки, желающей понравиться возлюбленному, а естественная, природная грация олененка, пленительного «звереныша».

Когда наступает катастрофа, когда предательство и обман смещают и искажают все в этом детском сознании, Жизель Павловой повторяет движения, которые так тешили, радовали, забавляли ее в танце с Альбертом, но все они словно сломлены. Сломлены и безжизненно повисают ее тоненькие руки, неуверенными, шаткими становятся шаги ее резвых, легких ног, а глаза смотрят недоуменно и хмуро.

Во втором акте балета, в облике воздушной виллисы Павлова легка, как облачко, как перышко, как тополиный пух. Она и здесь остается девочкой, только девочкой очень несчастной, одинокой, смертельно обиженной, оскорбленной, но обретшей в этой незадачей обиде и горе особую мудрость доброты. В душе Жизели пробуждаются чувства самоотверженной женщины, почти материнское великодушие и терпение. Это трогает

почти до слез.

Танцует Павлова замечательно музыкально, точно и чисто (если не считать некоторых погрешностей в вариации первого акта). Но пока еще ее уникальные данные — большой шаг и прыжок, изумительные экранные, стремительные вращения, четкость ее техники слишком видны, заметны, их отмечаешь, видишь, ими восхищаешься. Это происходит потому, что сама она еще слишком по-ученически, «по-ребячьи» старательна, сама еще опасается чего-то «недотануть», недоделать. К ней должен прийти следующий этап мастерства — когда ее техника, ее данные станут как бы «незаметными», целиком растворятся в задачах самой высокой артистичности.

Очень помогает Павловой ее партнер — искренний, эмоциональный и умный актер К. Шморгонер.

Не могу не отметить и Е. Давыдову, создавшую красивый и стильный образ холодной, неумолимой повелительницы виллисы Мирты, Л. Воробьеву и А. Федорову.

Все это вместе взятое сделало спектакль «Жизель» 21 ноября 1974 года приподнятым и праздничным. Недаром после его финала в зале долго не смолкали громкие овации.

**Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,**  
заслуженный артист  
РСФСР.